

УДК 94(470.5)

С. В. Голикова¹

ОТКРЫТИЕ ЗОЛОТА НА УРАЛЕ В СВЕТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КРАЯ СЕРЕДИНЫ XVIII–XX ВВ.

Ключевые слова: пространство; культурный ландшафт; региональные мифологии; идентичность; золотопромышленность.

Аннотация: в статье рассматриваются два символа золотодобывающей промышленности Урала: фигура первооткрывателя золота России Ерофея Маркова и обнаруженные им Березовские золотые промыслы. Показано, как менялось восприятие образа человека, первым нашедшего для нашей страны золото и эволюция представления о промыслах, как «месте памяти» золотодобычи Урала.

S. Golikova

GOLD OPENING IN THE URALS IN THE LIGHT OF FORMATION OF CULTURAL AND SYMBOLICAL SPACE OF EDGE OF THE MIDDLE OF THE XVIII–XX CENTURIES

Key words: space; cultural landscape; regional mythologies; identity; gold mining.

In article two symbols of gold mining of Ural are considered: pioneer of the Russian gold Erofey Markov and Berezovsky gold-fields. It is shown how the perception of an image of the person who has found gold for our country and evolution of idea of crafts as “a memory place” the Ural gold mining changed.

Ко времени обнаружения в 1745 г. на Урале золота край благодарен богатству своих недр и происходившей их успешной разработкой становился многообещающим горнозаводским районом. Находка Ерофея Маркова лишь подтвердила и усилила славу Урала, как замечательной горной страны, щедро одаренной природой не только железом, медью самоцветами, но и пределом мечтаний тогдашних поисковиков – золотом. Удача жителя Шартана стала прецедентом – за ней последовали открития золота в других местах нашего отечества. Находка привлекала внимание и как учредительное событие – подлинное или мифическое, – с которого начинается отчет истории русской золотопромышленности

¹ Голикова Светлана Викторовна — д.и.н., Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Россия, Екатеринбург).

E-mail: avokilog@mail.ru.

Golikova Svetlana Viktorovna — Doctor of historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg).

она стало её космогоническим мифом, отсылкой к абсолютной ценности золота. Более двух с половиной веков этот сюжет регулярно воспроизводили, его содержание было многократно обкатано и доступно целенаправленным манипуляциям. К концу дореволюционного периода уже имелось каноническое восприятие обретения Россией своего золота:

«Первое открытие рудного месторождения на Урале было сделано случайно в окрестностях р. Пышмы крестьянином села Шарташа Екатеринбургского уезда Ерофеем Марковым, в 1745 г. представившим в Горную Канцелярию обломки рудного кварца с видимым в них вкрапленным золотом. Канцелярия направила на место находки целую экспедицию для разведок. Поиски, начатые ею и несколькими другими, последовательно наряжаемыми экспедициями, оказались, однако, бесплодными, так как разведки производились углублением шурфов, тогда как золото находилось на поверхности. Безрезультатность этих разведок заставила Горную Канцелярию усомниться в верности указаний Маркова, которому под угрозой велено было в течение двух недель указать с точностью то место, откуда им был взят кварц. Положение Маркова становилось крайне печальным. Явившись по истечении двух недель в Горную Канцелярию, он под страхом смертной казни уверял чиновников, что куски золотоносного кварца взяты им действительно из указанных им мест. Марков был отдан на поруки с обязательством искать золото и через каждые две недели являться в Канцелярию для донесения о результатах своих поисков.

Когда обо всем этом донесено было в Берг-Коллегию (Главное Горное управление), то последняя указала на то, что руду нужно протолочь и промыть. Из уральских инженеров не оказалось никого, кто был бы знаком с этой операцией. Наконец, в 1747 г. пробирный мастер произвел испытание нескольких фунтов песку и глины из указанных Марковым мест. Пробы дали золото. Шурф углубили, встретили золотоносную жилу и начали ее разрабатывать. Несчастный золотонаходчик, переживший за свое открытие столько мук и волокиты, был освобожден и отпущен на все четыре стороны. Его даже не наградили за понесенные напрасно тревожения. Первый золотожильный рудник был назван Шарташским, переименован затем в Пышминский, а потом в Первоначальный. В 1754 г. на р. Березовке в 15 верстах от Екатеринбурга была построена толчея с промывальными станками... С этого времени началась на Урале правильная разработка жильного золота...» [13, с. 61–62].

Вполне демократичный взгляд на события середины XVIII в. – некомпетентные, злоупотребляющие властью перестраховщики-чинов-

ники, и пострадавший золотодобытчик. Подобная трактовка событий была чужда XVIII в. – тогда не «продвигали» героев из народа. Горным администраторам, озабоченным организацией добычи золота, вспомнить о первооткрывателе не приходило в голову. Спрос на подобный типаж возник в начале XIX в. В Кушвинском заводе, пущенном на севере Урала незадолго до открытия Березовского месторождения, появилась история о том, как соплеменники убили на вершине горы Благодать вогула Степана Чумпина, якобы за то, что он показал русским это богатое месторождение. Характеризуя его, академик П. С. Паллас в 1770-х гг. лишь обмолвился, что магнитная гора «обретена вогульцами» [8, с. 253]. Высокий семиотический статус открытие Чумпина получило во время управления Гороблагодатским округом Николая Родионовича Мамышева. «Предание говорит, – сообщалось в «Описании...» Кушвинских заводов 1839 г., – что виновник сего открытия, вогул Степан Чумпин, награжденный от правительства 20 рублями, заплатил жизнью за важный дар, предложенный государству и что соотечественники, озлобленные вниманием правительства на сии места, принесли его в жертву своим богам, на той самой горе, где открыты руды; но воспоминания переживают людей, полезных Отечеству! Признательное горное начальство воздвигло ему памятник в тех местах, где прекратилась жизнь несчастного» [7, с. 55–56].

Видимо, что кушвинский вариант был разработан по заказу управляющего заводами местным духовенством. Цель – обретение Уралом собственных героев, отдавших жизни за горнозаводское дело. (По подобной схеме появились пионеры-герои.) Промышленные ценности становились вопросом жизни и смерти: за следование им или отрицание их люди гибли. Возведение горнозаводской идеи в абсолют нуждалось хотя бы в выдуманных фанатиках горнозаводского дела. Напрасно дореволюционные авторы, например О. С. Клер, указывали на факты деятельности Чумпина после его якобы убийства в 1730 г. [3, с. 132]. Культ убиенного вогула: возведение часовни и установка в 1826 г. памятника на горе Благодать, к которому ежегодно совершался крестный ход, – делали своё дело [11, с. 11]. До сих пор фольклористы записывают рассказы о мученической смерти первооткрывателя [10, с. 97–99].

Березовское начальство идеологией не увлекалось. Исследователи же обращали внимание на геологическое строение промыслов. Преобладало «спокойное» изложение открытия, в котором инцидент с Ерофеем Марковым выглядел как недоразумение, а не человеческая трагедия. Накаляла страсти литература. Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Золото»

умертвил открывателя Березовских (в романе Балчуговских) богатств: «В те поры с золотом-то такие строгости были, одна страсть... Перво-го-то мужика, который на Балчуговке нашёл золото, слышь, насмерть начальство запороло...» [5, с. 84]. Выбранный автором жёсткий вариант, рождает историю Маркова с кушвинской: Ерофей жертвует жизнью. Трагедийный оборот предан событиям и в сказе П. П. Бажова «Золотые дай-ки»: «... пришлось нашему первому золотодобытчику голову на плахе держать, да под палачевским топором клясться-божиться». Его гонители будто бы обещали: «Как в срок не укажешь место, голову отрубим» [1, с. 19]. Кровожадность диктуется умением художественного вымысла, усугубляя конфликт, проявлять заложенные в нём смыслы. Творчество писателей-демократов в свою очередь подпитывалось народными представлениями о дарообмене. Такой подарок как открытие месторождения золота требовал ответного жеста – принесение жертвы. Разведка земных недр подчинялась логике поиска сокровищ. Из хорошо развитой отечественной кладоискательской традиции естественным образом вытекало отношение к земным сокровищам, особенно к золоту как особой разновидности клада. Исстари считалось, что «взять» клад, на который положен зарок, надо умеючи. Он часто требовал «голову» – человеческую жертву. Плохо верилось, что находка золота далась Ерофею Маркову просто так – за нее надо было «заплатить», самое меньшее мытарствами. Правила кладоискательства требовали от успешных поисковиков претерпеть, например, от произвола властей. Уникальность открытия вызывала перекодировку рядового поиска тумпасов в нечто, ломающее привычный порядок: заурядные действия превращало в поступки, как со стороны Маркова, так и со стороны чиновников. В свете данной логики неожиданные интонации начинали проявляться у самых обыденных взаимодействий, и прозаическое стало героическим. Представления о Ерофее Маркове оказались созвучны и христианскому подвигу. Он обрёл черты праведника, для которых несправедливое страдание составляет почётный долг. Идея «жертвы репрессий» – канонизации героя через беды и гонения оказалась чрезвычайно продуктивной для рабочего, затем и социалистического движения. Марков – первая жертва, список которых можно продолжить. Собственно страстотерпцем становился любой, кто прикасался к добыче золота. Путём самопожертвования промысловики возводили себя в ранг исключительности. В имевшей широкое хождение песне, говорилось:

Мужики вы, мужики,
Одним словом – чудаки!

Вы во шахтах не бывали,
Нужды с горем не видали....
Шахтёр – холод, шахтёр – голод,
Нет ни хлеба, ни воды,
Нету воли никуды [2, с. 40–41].

Горнорабочие гордились полученным в лишениях большим социальным опытом, были убеждены, что их миссия требует значительных усилий, сопряжена с мучениями. Старательство с его «где лывка – тут и промывка», когда каждый в поисках золота (бывало по несколько раз на дню) воспроизводил действия Ерофея и мог «примерить» его случай на себя, – способствовало его популярности.

Виктимизация образа Маркова, произошедшая в дореволюционный период, в дальнейшем только усилилась. Советская эпоха укрепила архаическое восприятие жертвенности. Золото нужно для голодающих Поволжья, строительства социализма. Не секрет, что увеличение его добычи бывает оплачено слишком высоко – ценой человеческой жизни. Трудовые подвиги советского времени окончательно превращают первооткрывателя в положительного героя, примера для подражания, родоначальника особой породы людей – золотодобытчиков. Они не просто заняты извлечением этого полезного ископаемого из земных недр. Поиск и добыча благородного металла всегда драматичны. «Березовское золото, – считал Д. Н. Мамин-Сибиряк, – являлось неистощимым источником всяческих бед и напастей для березовских обывателей, которые промывали драгоценный металл своими березовскими слезами» [6, с. 284]. История золотодобычи – это история искушения золотом, история каторжан, история старателей. Она аккумулирует опыт пребывания человека в различных социальных режимах взаимодействия людей с этим коварным металлом. «Промысловый человек, – полагал к примеру Д. Н. Мамин-Сибиряк, – совершенно особенный, и, куда вы его ни сунете, он везде будет бредить золотом и лёгкой наживой» [5, с. 51]. Сегодня золотопромышленность оказалась на периферии государственных и экономических интересов и переживает не лучшие времена. Тип человека, связанного с добычей уральского золота, как и само это золото можно считать уже элементом прошлого, истории, культурным наследием. В культурном ландшафте края остаются имеющие мировую известность золотые «места». Одно из них – возникшие на месте находки Ерофея Маркова Березовские золотые промыслы.

Замысловатая история промыслов может быть представлена как лаборатория различных технологических процессов. Согласно Мами-

ну-Сибиряку, их население «пережило последовательно все стадии прогрессивного развития русского золотого дела». «Первый “жильный” период продолжался по 1814 год» и во время его «творилась крошечная рудниковая работа» [6, с. 284–285]. Героиня его рассказа – жительница промыслов вспоминала: «Да и работа эта в Берёзовске на промыслах была самая проклятуная: золото добывали по шахтам, в земле ... роби-ли, как черви землю-то точили» [4, с. 252]. Когда «рядом с каторжным, живым золотом пошло лёгкое рассыпное» его всё равно, по мнению писателя, сопровождало «большое зверство» [6, с. 285, 287].

В процессе эксплуатации выяснялись и характерные черты Березовского коренного месторождения. На пространстве к югу от реки Пышмы по обе стороны речки Берёзовки (а на северо-востоке отчасти и по северную сторону Пышмы) встречались вертикальные жилы (полосы) горной породы, получившей название «березит», «вкрест» им шли пласты золотоносного кварца. Золото находилось также в буром железняке и свинцовом блеске [14, с. 99, 101]. Содержащие его руды оказались различными по твёрдости. Мягкую породу добывали кайлом, а для добычи крепчайшей применяли бурение с порохом и горные клинья, «с другими принадлежащими к тому орудиями». Транспортировали руду наверх, устанавливая ворот – элементарную рудоподъёмную машину, к которой крепилась бадья. Или выкатывали её на ручных тележках. На месте добычи сырьё подвергали обогащению: «При отверстиях руды разбивают, оставляя при них отбитые пустые земли и камни, а добротные или годные отвозят на золотопромывальные заводы» [9, с. 371–372].

Малопродуктивность добычи рудного золота, на которую сетовал еще П. С. Паллас: «есть ли бы разбору и разбиванию руд не столь много требовалось работников, то бы сей промысел можно было назвать весьма прибыточным...» [8, с. 208], не стала помехой развитию отрасли. Впереди её ждали большие свершения. Месторождение оказалось не одноразового использования, как выяснилось, оно таило в себе очередные сюрпризы. Открытие его новых возможностей – золотых россыпей вновь совершил местный житель, штейгер Лев Иванович Брусницын. Однако рассказ об этом Н. К. Чулин начинает с обстоятельного разбора находки Ерофея Маркова. Через столетие стало очевидным, что найденные им камешки заключали в себе «знаки» не рудного, а россыпного золота. По мнению автора середины XIX в., шарташский житель в 1745 г. «открыл, без сомнения, золотую россыпь, а не жильное месторождение». Однако в то время золото искали только самородное. Россыпи встречались лишь в жарких странах. В результате сработал парадокс

ожидания: в представленных пробах хотели видеть признаки золотой жилы: березовские образцы рассматривали с позиций накопленного опыта, пытались подогнать их под имеющиеся стереотипы. До изобретения Брусницына специфика открытия середины XVIII в. оставалась в тени типичных свойств золотодобычи тех лет: «Следовало бы работать на указанном Марковым месте не вглубь, а разрабатывать во все стороны и промывать тот слой, в котором найдены признаки золота. Но члены канцелярии хлопотали только об отыскании твердых жил золотосодержащего камня, и ничего не знали о золотых россыпях, хотя они, так сказать, давались сами в руки», – указывает Чупин [14, с. 113].

Ассоциация с Марковым придаёт фигуре Брусницына особую знаковую: россыпное золото в середине XVIII в. проглядели благодаря господству стереотипов, однако местному штейгеру удалось раскрыть «секрет» Березовского месторождения. И не только его, он предложил более лёгкий способ добычи золота во всех «полуночных» странах. Во многом будучи антитезой рудному способу добычи: мобильным, малозатратным, демократичным, – эксплуатация россыпей становится привлекательной перспективой развития золотодобывающей отрасли и импульс оно получило с Урала, с Березовских промыслов. Сами они обрели не только рудники, но и прииски.

Вскоре после открытия россыпного золота возникло особое явление, получившее название «старательства». Березовскими старателями очень интересовался Мамин-Сибиряк. Он даже посвятил им роман «Золото», показав, каким образом забытые «уральские кроты» превратились в инициативных, предприимчивых авантюристов золотоискателей, сродни тому типу людей, которых весь мир узнал из произведений Джека Лондона. Уже в предыдущий период население оказалось тесно вовлечено в золотодобычу. «Рабочая масса, – отмечал Мамин-Сибиряк, – так срослась со своим исконным промысловым делом, что не могла отделить себя от промыслов». Несколько поколений было воспитано на этом занятии и люди чувствовали себя «настоящими хозяевами приискового дела, на котором родились и выросли», в противоположность чужакам, которые «лопаты и кайла в руки не умели взять по настоящему, да и земляная тяжёлая работа была им не под силу» [5, с. 107, 196]. Для её характеристики березовские «пескомойи» предпочитали употреблять вместо глагола «трудиться» более сильные выражения: «пластаться», «биться», «колотиться». Местный же священник А. Н. Топорков пояснял: «... огромное большинство населения ... привыкло рыть и копать, перерывать и перекапывать землю, и искать в ней золото, в зной и холод,

в дождь и слякоть, чуть не по колена в воде и грязи». «Многолюдному здешнему населению, — продолжал он, — приходится трудиться крутлый год изо-дня в день... и детей его ожидает точно такое же существование, тем же чередом, без ожидания каких-либо перемен к другому труду» [12, с. 447]. «Я старателем буду, как тятка», — говорили дети, хотя уже в раннем возрасте знали, что «тяжел и продолжителен труд ... чернорабочего люда... Бедна и не привлекательна жизнь в массе населения, когда случится с кем-либо то, что труд его не вознаграждается, счастье ему в земле не дается, золота не отыскивается» [12, с. 447].

Березовские золотые промыслы представляют собой «долгую» историю русского золота — с середины XVIII столетия до наших дней, и интересны именно этой длительностью, историоризацией золотодобычи. Россия жаждала собственного золота. Драгоценный металл искали, однако обнаружение его стало сюрпризом, власти считали его приятным, но инцидент с Ерофеем Марковым наглядно показывает, что они оказались к нему, как к стихийным бедствиям, не готовы. Современники даже не могли понять, что же здесь собственно «открыли». Берёзовское месторождение еще не раз изумляло разработчиков неожиданными или труднопредсказуемыми поворотами событий.

Библиография

1. Бажов П. П. Золотые дайки // Золото: сб. — Свердловск: Свердловское областное государственное издательство, 1946.
2. Бирюков В. П. Урал в его живом слове. — Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1953.
3. Клер О. С. Отчет о поездке для осмотра метеорологических станций среднего Урала, совершенной в 1877 г. // Сборник Пермского земства. — 1878. — Кн. IV. Отд. II.
4. Мамин-Сибиряк Д. Н. В болоте // Мамин-Сибиряк Д. Н. На улице (Бурный поток). Повести, рассказы и очерки 1885–1886 гг. Полное собрание сочинений: в 20 т. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. — Т. 4.
5. Мамин-Сибиряк Д. Н. Золото: Роман. В дороге: Очерки и рассказы. — Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982.
6. Мамин-Сибиряк Д. Н. Золотое гнездо // Мамин-Сибиряк Д. Н. На улице (Бурный поток). Повести, рассказы и очерки 1885–1886 гг. Полное собрание сочинений: в 20 т. — Т. 4. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007.
7. Описание гороблагодатских заводов // Горный журнал. — Ч. 1. Кн. 1. — 1839.
8. Палас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. — Ч. 2. Кн. 1. — СПб., 1786.

9. Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. — Ч. 1. — СПб.: Императорская типография, 1811.
10. Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы. — Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1991.
11. Сорокин Н. В. Путешествие к вогулам // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. — Т. III. № 4. — 1872.
12. Топорков А. Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание) // Пермские епархиальные ведомости. — № 42. — 1881.
13. Урал. Северный. Средний. Южный. Справочная книга. — Петроград: Библиотека «Вечернего времени» издательство В. А. Суворина, 1917.
14. Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. — Т. 1. (А–И). — Пермь: типография Поповой, 1873.

УДК 323

О. Б. Подвинцев¹

ОБРАЗЫ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ НА УРАЛЕ И В СИБИРИ

Ключевые слова: *символическая политика, региональная идентичность, бренд территории, Гражданская война в России.*

Аннотация: *в статье рассматривается ситуация с использованием восходящих к Гражданской войне символов для формирования брендов и идентификационных скреп в регионах и городах Урала и Сибири. Делается вывод, что трансформации отношения к событиям Гражданской войны в разных субъектах РФ идут с разной скоростью, а иногда и в разных направлениях.*

O. Podvintsev

IMAGES OF TIMES OF CIVIL WAR IN REGIONAL SYMBOLICAL POLICY IN THE URALS AND IN SIBERIA

Key words: *symbolical policy, regional identity, territory brand, Civil war in Russia*

The article is devoted to the situation about the use of symbols of Russian Civil war for formation of brands and identity in regions and the cities of the Urals and

¹ Подвинцев Олег Борисович — д.полит.н., профессор, директор Пермского филиала по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Пермь, Россия).

E-mail: ip1_perm@mail.ru.

Podvintsev Oleg Borisovich — Perm Branch of Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Director, Prof., Dr. of Sc.